

К. Л. Захарова**Политические декларации и реальные практики Советов Сибири в рабочем вопросе (март — октябрь 1917 г.)**

В статье рассматриваются направления, формы и результаты деятельности Советов рабочих и солдатских депутатов Сибири, нацеленной на разрешение корпуса проблем, объединяемых понятием «рабочий вопрос». Анализируется роль Советов в регулировании правового положения рабочих и служащих в сфере трудовых отношений, их взаимоотношений с государством и предпринимателями, в обеспечении нормальных условий труда и уровня жизни. Делается вывод о том, что основополагающим содержанием деятельности Советов было организованное вмешательство в отношения между работниками и работодателями, нацеленное на поиск компромиссных решений. Эта тактика являлась перспективной, но лишь на ограниченный период. По мере развития революционного процесса требования трудящихся выходили за рамки лишь экономических и перерастали в политические. Потенциал социального партнерства к осени 1917 г. практически себя исчерпал, что создавало благоприятные условия для активизации левых радикалов, стремившихся использовать Советы в качестве властной альтернативы.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., Сибирь, власть и общество, Советы депутатов, политические практики, рабочий вопрос.

В ходе Февральской революции 1917 г. Советы депутатов стали значимым элементом трансформирующейся социально-политической системы России и местом концентрации альтернативной политической силы. Необходимость решения задач, связанных с регулированием норм и условий труда, вытекала из природы Советов как выразителей интересов наименее защищенных в социально-экономическом отношении слоев населения. Значение роли Советов в преобразовании этой сферы общественных отношений обуславливалось тем, что Временное правительство хотя и старалось позиционировать проблемы организации труда как первоочередные и занималось разработкой программы мероприятий, но фактически решительных шагов в этом направлении не предпринимало и системных реформ не проводило. В частности, одно из принципиальных требований трудящихся о введении 8-часового рабочего дня в масштабах всей страны так и не было закреплено законодательно. В результате решение этого и других вопросов переходило на низовой уровень и осуществлялось локально участниками политического процесса на местах, в том числе Советами.

В советской историографии господствовал подход, при котором изучение практик участия Советов в решении рабочего вопроса оставалось второстепенной задачей и осуществлялось сквозь призму анализа борьбы Советов за политическую власть, что задавало определенный вектор освещения проблемы и предопределяло тенденциозность выводов. Этот принцип отражен в монографиях В. П. Сафронова [63], В. Т. Агалакова [1], Е. Н. Бабиковой [2], исследованиях В. А. Соловьевой [66], Ю. В. Иванова [43], В. Г. Мосолова [56—58]. Комплексное изучение рабочего движения в Сибири в 1917 г. и анализ роли Советов в регулировании трудовых отношений осуществил Д. М. Зольников [42]. Обобщив колоссальный фактический материал, автор все же не смог выйти за рамки классового подхода, что не позволило ему представить объективную схему взаимоотношений различных субъектов политического процесса в рабочем вопросе.

Современные историки склонны рассматривать властную функцию Советов как производную от их главной задачи — решения вопросов, направленных на улучшение условий труда рабочих и служащих. В связи с этим вновь актуализируется проблема рабочего

© Захарова К. Л., 2018

вопроса как сферы компетенции Советов [68], в том числе и в Сибири [14; 15; 55], и в перспективе ставится задача ее системного исследования. В данной статье на основе широкого комплекса делопроизводственных документов, а также материалов периодической печати предпринимается попытка изучить направления, формы и результаты деятельности Советов Сибири в сфере регулирования трудовых отношений в условиях развития революционного процесса от марта к октябрю 1917 г.

В марте 1917 г. по всей стране развернулось стихийное движение за введение 8-часового рабочего дня. В Сибири на значительной части предприятий и по линии железной дороги сокращенный рабочий день был введен явочным порядком самими рабочими еще до появления официальных постановлений и вмешательства Советов в этот процесс [42, с. 187—188]. Инициативные действия трудящихся способствовали тому, что лозунг установления 8-часового рабочего дня стал одним из базовых программных требований Советов рабочих и солдатских депутатов.

Так или иначе, но Советам приходилось включаться в разрешение этого вопроса, при этом степень их вовлеченности и механизмы внедрения новых норм продолжительности рабочего дня зависели от конкретных условий на местах, в том числе авторитета различных субъектов политического процесса и разграничения компетенции между ними. Например, в Томске, где Совет рабочих депутатов был создан лишь 29 марта, инициатива в регулировании трудовых отношений изначально отошла к местному комитету общественной безопасности (КОБ). Поддержав резолюцию Томского Совета солдатских депутатов, 15 марта КОБ принял постановление ввести 8-часовой рабочий день для прислуги и рабочих во всех мастерских и заводах вне зависимости от отрасли труда. Практическое осуществление этого постановления было возложено на хозяев торгово-промышленных предприятий, и, как следствие, проводилось оно «далеко не в таком широком масштабе, как это следовало». Была организована особая комиссия и избран комиссар труда, в чью задачу входило наблюдение за тем, насколько строго владельцы соблюдали регламент [47, с. 3; 64, с. 3; 65, с. 3].

В Иркутске введение нового распорядка происходило на фоне конфликтов, возникших между рабочими и предпринимателями и приведших в ряде случаев к забастовкам. По инициативе секции по охране труда при Совете рабочих депутатов местный комитет общественных организаций (КООРГ) издал обязательное постановление о введении начиная с 14 марта 8-часового рабочего дня на предприятиях, работавших на оборону [5, с. 4; 44, с. 1]. Позже Совет предложил КООРГу распространить новые нормы условий труда на все предприятия губернии, в противном случае Совет намеревался провести это мероприятие в жизнь своими силами [6, с. 2]. Согласно принятому КООРГом решению, с 23 марта на всех фабричных, заводских, торговых и ремесленных предприятиях Иркутска и Иркутской губернии вводились восемь, а накануне воскресных и праздничных дней — семь часов действительного труда [45, с. 1]. Однако, судя по отчету Совета в мае, данное постановление было реализовано далеко не везде [17, с. 3].

В Барнаулский Совет непрерывно поступали настойчивые требования о скорейшем проведении в жизнь 8-часового рабочего дня: трудящиеся апеллировали к фактам введения явочным порядком новых норм труда на линии Алтайской железной дороги, в конторе купцов Н. Аверина и Д. Алейникова [24, с. 3]. Однако с принятием общего решения затягивали. И лишь 7 апреля в Барнауле состоялось многочленное собрание членов Совета с участием представителей правлений барнаульских профессиональных союзов, которые обсудили возможность сокращения рабочего времени. После этого исполком Совета обратился к предпринимателям с проектом соглашения о введении 8-часового рабочего дня в торгово-промышленных заведениях Барнаула. Окончательный ответ вла-

дельцы предприятий должны были дать после обсуждения вопроса общим собранием, хотя и заявили, что «раз Совет рабочих депутатов постановил ввести 8-часовой рабочий день, то промышленникам придется согласиться». Исполком Совета старался действовать дипломатично, чтобы избежать обвинений в том, что он самостоятельно ввел новый распорядок, а также чтобы не подставить под удар рабочих [25, с. 3—4]. 14 апреля по завершении переговоров комитет общественного порядка и безопасности Барнаула принял решение ввести на всех предприятиях города 8-часовой рабочий день. Контроль над исполнением постановления был предоставлен Совету [26, с. 4].

В Чите принятие решения о сокращении рабочего дня растянулось более чем на три месяца. 20 марта на общем собрании Совета рабочих депутатов станции Чита-1 была поддержана инициатива войти в исполком городского Совета рабочих и солдатских депутатов и комитет общественной безопасности с предложением провести в жизнь в трехдневный срок соглашение об установлении 8-часового рабочего дня на всех предприятиях и отраслях, «где по условиям производства и службы это возможно в данное время». На следующий день данный вопрос был рассмотрен на заседании исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Читы: исполком постановил предложить местному КОБу принять меры по регулированию рабочего времени [28, с. 2—3]. Однако практические действия по осуществлению данного мероприятия предпринимались не спеша. Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов не вмешивался в фактические отношения между работниками и работодателями и ограничился выпуском обращения «к солдатам, рабочим и гражданам о введении 8-часового рабочего дня» [27, с. 26—28]. Таким образом, предполагалось, что соглашения с хозяевами будут заключаться на местах частным порядком самими рабочими [29, с. 3]. Лишь когда на предприятиях Читы вопрос стал решаться в положительном смысле, комитет общественной безопасности поручил юридической комиссии заняться выработкой соответствующего нормативного акта, который был опубликован 29 июня с одобрения Забайкальского комиссара Временного правительства [32, с. 2; 33, с. 1].

Опираясь на требования рабочих и прецеденты успешного введения 8-часового рабочего дня явочным порядком, ряд Советов Сибири принял самостоятельные постановления, в которых регламентировался новый режим рабочего времени.

10 марта решение о сокращении рабочего дня до восьми часов принял Совет рабочих старост Кольчугинского рудника. Время начала и прекращения работ Совет должен был установить после совещания с рудничной администрацией. На совместном заседании Совета с управляющим Кольчугинским рудником К. В. Здановичем это постановление было утверждено, не вызвав разногласий: новый распорядок вводился на руднике с 15 марта [38, с. 2; 67, с. 36]. 18 марта собрание Совета старост рабочих и служащих Гурьевского металлургического завода постановило производить работы на заводе ежедневно по восемь часов в сутки с получасовым перерывом, в субботные дни и кануны праздников рабочий день сокращался до шести часов. Примечательно, что работы должны были производиться также в воскресные и праздничные дни: в сокращенную пятичасовую смену без перерыва [67, с. 44—45]. Владельцы предприятия не выразили возражений против данных нововведений.

19 марта на экстренном заседании исполкома Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов было принято «принципиальное решение по вопросу о необходимости введения 8-часового рабочего дня во всех предприятиях города». Рабочей комиссии было поручено выработать детали и условия осуществления этого мероприятия. Также было принято решение распространить 8-часовой рабочий день на рабочих-железнодорожников всех отраслей [53, с. 60—61]. 22 марта общее собрание Совета приняло постановле-

ние, согласно которому до издания закона о нормальном рабочем дне на всех фабриках, заводах, в мастерских, во всех службах железной дороги, во всех торгово-промышленных предприятиях вводился 8-часовой рабочий день (накануне воскресных дней рабочий день должен был составлять семь часов) [53, с. 69].

В марте на первом же собрании Совета рабочих депутатов Мариинска было принято решение о введении в городе 8-часового рабочего дня. В связи с этим представителям Совета было поручено провести обследование предприятий Мариинска и взять с администрации подписку о согласии установить новый распорядок, что и было исполнено оперативно [23, с. 595]. На Арбагатарских копиях Советом рабочих депутатов были проведены переговоры с владельцами, по итогам которых был заключен коллективный договор, подписанный обеими сторонами. С 1 апреля на копиях был введен непрерывный 8-часовой рабочий день. Накануне воскресных дней работы должны были оканчиваться на час раньше, но на время войны это правило приостанавливалось [18, с. 4; 19, с. 3; 30, с. 3]. Особо оговаривалось, что в связи с требованием военного времени работы по добыче угля в шахтах должны производиться в три смены, днем и ночью, не исключая праздничных дней.

Практики установления 8-часового рабочего дня свидетельствуют о том, что в целом Советы придерживались тактики поиска компромисса и старались приходить к консенсусу путем переговоров, используя, по возможности, минимальное давление на предпринимателей. В исключительных случаях Советам приходилось действовать более жестко. Так, в апреле, ознакомившись с наказами золотодобытчиков, Совет рабочих депутатов Северо-Енисейского горного округа принял резолюцию о введении 8-часового рабочего дня на всех приисках, а для подземных работ, для конторы управления и телефонистов, а также подростков — 6-часового. Мирным путем провести постановление в жизнь не удалось: лишь организованная Советом забастовка и угроза реквизировать предприятия заставили управление принять требование рабочих [59, с. 3; 62, л. 3].

Ряд Советов непосредственного участия в установлении 8-часового рабочего дня не принимал и ограничился формальными действиями или декларативными заявлениями, лишь косвенно влиявшими на разрешение данной проблемы. В редких случаях Советы считали введение нового распорядка преждевременным. Так, Тобольский Совет признал желательным введение нового трудового регламента, но, учитывая условия военного времени, предоставил решение о сокращении рабочего дня на предприятиях города добровольному соглашению между их владельцами и работниками [48, с. 2]. Ссылаясь на войну и Тарский Совет рабочих и солдатских депутатов, признавший невозможным ввести 8-часовой рабочий день «ввиду переживаемого момента» [42, с. 189]. Это решение было принято на фоне протеста против подобного нововведения со стороны части войск местного гарнизона [49, л. 30]. Однако же абсолютное большинство Советов оказалось восприимчиво к требованиям рабочих, а также служащих и поддержало их борьбу за нормирование рабочего времени. В марте — мае 1917 г. 8-часовой рабочий день был установлен непосредственно Советами или при их посредничестве в Кургане, Верхнеудинске, Омске, Енисейске, Минусинске, Канске, на Ленских и Мариинских приисках, Судженских и Анжерских копиях [7, с. 47; 12, л. 78 об.; 13, л. 61 об.; 42, с. 188; 46, с. 3; 54, с. 415; 60, с. 2; 67, с. 57, 65].

Поиск компромисса заставлял Советы идти на принципиальные уступки предпринимателям. Обязательность введения 8-часового дня была ограничена техническими возможностями предприятий, а также важностью производства для обороны страны. В связи с этим Советы допускали сверхурочные работы, но требовали оплачивать их по повышенным расценкам. Так, Новониколаевский Совет заявил, что «не будет требовать

8-ч[асового] рабочего дня в тех производствах, где таковое введение нарушило бы как снабжение армии, так и продовольствие страны, а также не будет препятствовать сверхурочным работам там, где это опять-таки вызывается указанными соображениями» [9, с. 3]. Северо-Енисейский Совет, считаясь с серьезностью времени и нехваткой рабочих рук, временно разрешил сверхурочный труд и просил рабочих не отказываться от него [62, л. 3]. Аналогичные решения с теми или иными оговорками принимали и другие сибирские Советы. Например, Верхнеудинский Совет, допуская работы продолжительностью более восьми часов в день, ограничивал общее время труда в неделю 47 часами [12, л. 78 об.].

Как правило, оговаривалась добровольность сверхурочных работ, а необходимость их применения должна была рассматриваться индивидуально: требовалось получить санкцию органов, представлявших интересы трудящихся, — профсоюзов, фабрично-заводских комитетов или непосредственно Советов. Были и исключения. Так, Омский Совет после напряженных переговоров с предпринимателями был вынужден не только допустить сверхурочные работы, но и признал их обязательными, потребовав, в свою очередь, оплачивать дополнительные часы труда по полуторной, а в праздничные дни — по двойной расценке [60, с. 2]. Однако иногда и этого было недостаточно. Известны прецеденты, когда Советам под давлением предпринимателей и вовсе приходилось отменять свое постановление о введении 8-часового рабочего дня, несмотря на возможность компенсации вероятных убытков за счет применения сверхурочного труда. Так произошло в Мариинске: большинство владельцев предприятий, особенно мелких (парикмахерских, торговых лавок), где значительная часть работы приходилась на вечернее время, стали жаловаться на снижение дохода. В результате 8-часовой рабочий день здесь был признан необязательным [23, с. 595].

Параллельно с кампанией по введению 8-часового рабочего дня развернулась борьба Советов за повышение заработной платы. В городах отследить участие Советов в решении этого вопроса сложнее: как правило, нормирование заработной платы на городских предприятиях происходило частным порядком, путем учреждения примирительных камер. Поэтому рассмотреть эту проблему следует на примере деятельности Советов рабочих районов, приисков и рудников, поскольку там выработка расценок оплаты труда являлась непосредственной компетенцией Советов.

Совет старост Кольчугинского рудника потребовал дифференцированного увеличения заработной платы на всех видах работ рудника: на 100% для тех, кто получал от 50 коп. до 1 р. 50 коп., на 75% — для тех, кто получал от 1 р. 60 коп. и выше. При этом увеличение заработной платы не должно было повлечь увеличения урочных заданий. Требования были удовлетворены: с 15 марта рабочие должны были получать повышенную заработную плату впредь до выработки новых расценок администрацией совместно с Советом [67, с. 36, 38]. Подобным образом действовал Совет старост Гурьевского завода, который предложил администрации утвердить развернутую схему повышения заработной платы, учитывавшую категории и квалификацию работников. Например, зарплата рабочих кузниц, котельного, строительного, модельного, механического и электрического цехов, получавших подневную плату до 1 руб. 70 коп., должна была увеличиться на 100%, а получавших свыше 1 руб. 70 коп., — на 75%. Более детально была дифференцирована заработная плата работников литейного цеха, разделенных на четыре категории. Увеличивалось жалование и служащим завода: получавшим до 100 руб. в месяц предполагалось увеличить зарплату на 50%, до 150 руб. в месяц — на 30%, свыше 150 руб. — на 25% [67, с. 45—46].

Совет рабочих депутатов Мариинских приисков постановил увеличить заработную плату с 10 апреля на 100—150%, объяснив необходимость удовлетворения этого требования дороговизной. К тому же рост цен на продукты первой необходимости при сохранении размера зарплаты на прежнем уровне провоцировал уход рабочих и служащих с предприятия, что грозило остановкой производства. Совет подчеркнул, что не намерен предъявлять к владельцам приисков невыполнимых запросов, и предоставил правлению возможность рассмотреть данное постановление в течение месяца. Все требования были проведены через примирительную камеру и одобрены. Однако Совет считал необходимым пригласить на прииски расценочную комиссию из Томска для установления минимума заработной платы [4, с. 44—45; 13, л. 61 об. — 62 об.]. Самостоятельно выработал минимум заработной платы в 2 руб. 41 коп. объединенный Совет рабочих депутатов Спасских горнозаводских предприятий (Акмолинская область). Это решение было признано администрацией, и норма заработной платы впредь выводилась из этого минимума и по сравнению с дореволюционным временем увеличилась на 100—150% [41, с. 4].

Исполком Совета Ленских приисков принял решение о необходимости повышения заработной платы трудящимся минимум на 70%. Однако сами рабочие настаивали на более серьезной прибавке. Выработкой новых расценок занялась особая комиссия Совета рабочих депутатов. Поддержку Совету оказал главноуправляющий приисков В. Н. Журин, который, с одной стороны, призывал рабочих придерживаться разумности в предъявляемых ими требованиях, но с другой стороны, проявил настойчивость перед владельцами предприятий и рекомендовал им пойти навстречу работникам. Губернский комиссар И. А. Лавров также хлопотал перед правлением «Лензото» о прибавках к зарплате на приисках. В результате было достигнуто соглашение о повышении оплаты на 105% против заработной платы 1914 г. [22, с. 3; 54, с. 414—415, 419—420, 422, 425, 429].

В целом в вопросе повышения заработной платы предприниматели проявили меньше гибкости, затягивали переговоры на многие месяцы, искали условно не противоречившие договорам возможности сэкономить, а часто и вовсе нарушали уже заключенные соглашения. Так, летом Совет Кольчугинского рудника обнаружил, что в отдельных отраслях труда рабочие получали плату более низкую, чем было установлено по договору, к тому же практиковался 10-часовой рабочий день [38, с. 2]. В то же время здесь предпочитали принимать на работы военнопленных, которым платили по пониженным расценкам, что провоцировало раскол в среде трудящихся [13, л. 49]. Совет рабочих, служащих и солдатских депутатов Щербиновского рудника (копи Д. К. Мачини) после долгих и безуспешных переговоров с владельцем о погашении внушительной задолженности по зарплате был вынужден обратиться в Томский губернский исполком с просьбой принять меры для финансирования предприятия, а также прислать техническую комиссию для обследования состояния рудника. «Рабочие не имеют средств для дальнейшего физического существования, в полном смысле голодовка», — характеризовал ситуацию Совет. В случае отказа в помощи Совет намеревался сложить с себя ответственность за судьбу рудника. Вместе с тем он предпринимал все возможные меры, чтобы не допустить остановки работ, несмотря на то что был очень ограничен в ресурсах [4, с. 77].

Поведение владельца Судженских копей Л. А. Михельсона является яркой иллюстрацией позиции, которую заняли предприниматели. Администрация копей ввела надбавку в 25% к существовавшей заработной плате еще в марте, что не могло удовлетворить рабочих в полной мере. В июне на Судженке с согласия владельца работала специальная комиссия по урегулированию норм заработной платы, в состав которой входил и представитель Совета рабочих и солдатских депутатов [67, с. 76, 82]. Л. А. Михельсон, дав обещание принять установленные расценки, по завершении работы комиссии отказался

от данного обязательства. Владелец копей затягивал с решением в течение нескольких месяцев и пошел на уступки лишь тогда, когда расценки были утверждены Томским губернским исполнительным комитетом и введены на соседних Анжерских и Кузнецких копиях (здесь также предварительно провела работу расценочно-согласительная комиссия при участии представителей от Совета) [8, с. 3; 40, с. 4]. Минимальная плата на Судженке была установлена в размере 3 руб. 30 коп. Однако в августе, обследовав положение дел на Судженских копиях, комиссар Томского Совета солдатских депутатов Ф. Г. Чучин был вынужден констатировать, что твердых расценок там утверждено не было, расчет с рабочими задерживался на недели и выдавался лишь аванс [67, с. 123—125].

Попытка найти компромисс порой играла не на руку Советам, давая возможность предпринимателям затягивать с принятием решений и ставить очередные условия. Но, как правило, Советы и руководимые ими рабочие свои требования старались «проводить в жизнь без трений и в согласии с администрацией» [13, л. 31 об. — 32], прибегая к помощи примирительных камер или согласительных комиссий, так как осознавали, что в случае возникновения острого конфликта владельцам будет выгоднее уволить рабочих, взяв на их место военнопленных и солдат, или вовсе ликвидировать предприятие.

В ответ на попытки предпринимателей заменить труд русских работников трудом мобилизованных солдат, военнопленных и иностранцев, оплачиваемым по пониженным расценкам, Советы развернули борьбу за контроль над наймом и увольнением, что, в том числе, позволяло им при наличии безработных среди русских обеспечить их рабочими местами в первую очередь. Однако в перспективе Советы стремились добиться уравнивания в правах всех категорий работников. Это имело не только экономическое, но и политическое значение. Трудящиеся в большинстве своем поддерживали это начинание Советов. В частности, состоявшаяся в середине июня 1917 г. конференция горнорабочих Западной Сибири высказалась за принцип «равная плата за равный труд», без всяких исключений, что отражало общее отношение революционной демократии к этой проблеме [36, с. 3]. Иная позиция была скорее исключением. Так, рабочие Тарбагатайских копей требовали предоставлять работу в первую очередь русским гражданам, а иностранцев принимать только с согласия исполкома Совета. Однако такое разделение по национальности в отношении труда получило порицание со стороны Верхнеудинского Совета [20, с. 3].

Пусть и не повсеместно, но Советам удалось добиться конкретных результатов по этому вопросу, в том числе в Барнауле, Иркутске, Красноярске, Чите, на многих предприятиях горной промышленности [16, с. 4; 31, с. 2; 34, с. 33]. На Кольчугинском руднике действовало бюро труда при Совете, которое контролировало найм и увольнение. Здесь военнопленные были уравнены в заработной плате с русскими на подземных работах, велись переговоры о том, чтобы ввести этот принцип и на других работах. Помимо этого были выработаны соответствующие расценки и для китайцев [13, л. 52 об.]. На Мариинских приисках прием на работу и службу, увольнение и расчет, назначение жалованья и заработной платы производились только с согласия Совета. При этом военнопленные и китайцы работали на одинаковых условиях с русскими [13, л. 63—63 об.].

Исполком Красноярского Совета постановил производить отпуск военнопленных на работы только через биржу труда и только при условии полного, наравне с русскими рабочими, соблюдения условий найма и оплаты. Также Совет потребовал от администрации военного городка «воздержаться от какого-либо воздействия на военнопленных в смысле принуждения согласиться на работы на условиях, не соответствующих выработанным профсоюзами» [53, с. 131—132].

Анжерский Совет рабочих и солдатских депутатов отказался исполнять распоряжение начальника Омского военного округа о выдаче военнопленным на руки лишь 50 ко-

пеек в день, а оставшуюся часть зарплаты сдавать в казну. Совет заявил, что считает «необходимым платить всем военнопленным наравне с русскими гражданами», а также обязался гарантировать добросовестное исполнение военнопленными своих трудовых обязанностей [52, с. 3—4].

На лесопильном заводе И. Лида в Маклаково трудящиеся требовали обеспечить равные права финских и русских рабочих. Для воздействия на администрацию была организована забастовка, поддержанная Енисейским Советом [55, с. 306—307]. В то же время на Кемеровском химзаводе Совет не решался действовать радикально. Несмотря на признание за рабочими-иностранцами таких же прав, как и за русскими, и попытки уравнять их положение с положением русских рабочих, администрация воспрепятствовала проведению в жизнь мероприятия по нормированию заработной платы [13, л. 34].

В рамках борьбы за осуществление контроля над наймом и увольнением рабочих и служащих Советы добились участия в комиссиях по отсрочкам призыва в армию или сами создавали такие комиссии. Это позволяло, во-первых, закрепить кадровых рабочих на предприятиях, а во-вторых, препятствовать незаконному их увольнению (в том числе по политическим мотивам) и приему на их место укрывающихся военнообязанных, не имевших необходимой квалификации. В своей перспективе мероприятия Советов в этой области должны были способствовать повышению производительности труда. С этой целью в конце июня Совет рабочих и солдатских депутатов Анжерских копей постановил выявить тех, кто реально не работал в шахтах, а лишь числился, укрываясь от воинской повинности. Совет решил прибегнуть к крайним мерам: «...всех бывших торговцев, кулачков и так или иначе укрывающихся от воинской повинности выявить и, в зависимости от количества рабочих дней каждого рабочего в отдельности в месяце (не менее 20), отправить в распоряжение воинского начальника» [39, с. 3]. Совет выявил девять человек, но встретил сильную оппозицию, и работа его в этом направлении была парализована. Комиссар Томского Совета солдатских депутатов Н. Г. Чучин в августе докладывал, что при рассмотрении списков занятых на Судженских коях рабочих и служащих обнаружилось, что среди них оказалось много лиц, уклонявшихся от воинской повинности, причем фактически на работы они не выходили. Ежедневно количество рабочих, не выходящих на копи, достигало 700 человек, что составляло 15% от общего числа. Комиссаром было снято с работы 186 фиктивных «шахтеров» [67, с. 123—125].

Ряд Советов и руководимые ими рабочие предпринимали попытки более фундаментального вмешательства в управление. В крупных промышленных центрах страны массовый характер приобрело устранение от должностей администрации предприятий. В Сибири также была удалена часть административного и инженерно-технического состава на железных дорогах, в горной и горнозаводской промышленности, реже — в других отраслях производства. Вместе с этим Советы добились установления рабочего контроля и вхождения представителей рабочих в органы управления, в частности на Кольчугинском руднике, на золотых приисках Мариинской и Ленской, Северо- и Южно-Енисейской тайги. Постепенно коллегиальное управление охватывало широкий круг предприятий. Нередко это было вынужденной мерой, призванной предотвратить попытки владельцев, не желавших удовлетворить экономические требования трудящихся, сократить производство и закрыть предприятия под предлогом их нерентабельности [13, л. 63—63 об.; 35, с. 2; 54, с. 441—442; 61, с. 123—124; 62, л. 3].

Резонансный скандал вызвали действия Совета рабочих и солдатских депутатов на Судженке, который 29 апреля 1917 г. совместно с профсоюзом служащих отстранил от дел ряд представителей высшей администрации копей. Причиной стало халатное отношение управляющих к своим обязанностям и «преступное пренебрежение интересами

рабочих и служащих», вследствие чего копиям грозила остановка. 30 апреля руководство копиями было передано особому совету управления из 18 человек, в состав которого вошли два представителя от Совета, представитель КОБа, несколько инженеров, заведующие крупными отделами и шахтами. Совет управления выделил из своей среды распорядительное бюро из пяти человек, в состав которого также вошел представитель от Совета [4, с. 56—57]. Примечательно, что КОБ и Совет рабочих и солдатских депутатов действовали в этом случае сообща и поддерживали нормальное функционирование копей совместными усилиями.

В результате на Судженке был создан один из первых коллегиальных органов административно-технического рабочего управления, который докладывал обо всех своих мероприятиях местному Совету рабочих и солдатских депутатов и по сути находился под его контролем [43, с. 233]. Продолжая усиливать свои позиции, Совет Судженских копей во второй половине июня выдвинул перед Томским губернским исполнительным комитетом требование привлечь к судебной ответственности и отстранить от должности директора копей — горного инженера Г. И. Прошковского. Совет в своем обвинении ссылался на факт невыдачи Прошковским пособий и пенсий увечным рабочим и образовавшийся в связи с этим значительный долг. В итоге директор копей был официально уволен, что расширило возможности Совета контролировать трудовые отношения на Судженке [37, с. 4].

В ответ на произошедшее владелец копей Л. А. Михельсон направил в Петроград на имя председателя Совета министров князя Г. Е. Львова телеграмму с требованием прислать на Судженку специальную комиссию в сопровождении военной силы для восстановления порядка. По его словам, на копиях царил «полнейшая анархия, форменный грабеж», творился «произвол, насилие, захват частной собственности», в связи с чем он заявил о сложении с себя ответственности за нормальную добычу угля [4, с. 58—59; 67, с. 70—71]. Отказавшись признать новый порядок управления копиями, Л. А. Михельсон сократил финансирование предприятия — стала расти задолженность по зарплате. Совет был вынужден уступить, урезав свои полномочия, и это противостояние закончилось компромиссом: был создан новый коллегиальный орган управления — инженерский совет, в состав которого вошли представители Совета с правом совещательного голоса.

По мере развития революционного процесса позиция трудящихся становилась все более бескомпромиссной: в сравнении с мартом — апрелем 1917 г. все чаще возникали конфликты на почве отказа удовлетворить экономические требования рабочих и служащих, угроз со стороны владельцев закрыть предприятия и следовавших за этим увольнений, росло стачечное движение [42, с. 229—230]. В связи с этим основное внимание на заседаниях Советов нередко стало уделяться исключительно разбору взаимных претензий работников и работодателей. Советам не всегда удавалось прийти к соглашению с предпринимателями, избравшими своей стратегией борьбы с рабочим движением сокращение производства и в крайних случаях — локаут. Поэтому все чаще поднимались вопросы о необходимости не только введения рабочего контроля на производстве, но и о реквизиции (по крайней мере, временной) или даже национализации отдельных предприятий.

В мае прошла забастовка рабочих на предприятиях акционерного общества «Абакан» из-за отказа хозяев изменить условия оплаты труда и регламентировать процедуру увольнения. Исполком Красноярского Совета рассмотрел заявление союза деревообделочников о конфликте на лесопильном заводе «Абакан» в связи с объявлением хозяевами локаута и 29 мая постановил избрать комиссию из членов исполкома для изучения требований. В случае отказа продолжить производство на условиях, предложенных ко-

миссией, исполком был готов предъявить ультиматум о реквизиции завода и передать организацию работ профсоюзу деревообделочников под контролем исполкома Совета. Уже 31 мая, выслушав доклад согласительной комиссии, исполнительный комитет Красноярского Совета постановил реквизировать завод «Абакан» и мукомольную мельницу и передал их в ведение рабочих [53, с. 115—116]. Поскольку владельцы не получили компенсацию, то правильнее было бы назвать данный акт конфискацией. Однако предполагалось, что эта мера — временная, необходимая для восстановления нормального функционирования производства. Совет приложил усилия для ремонта завода и обеспечения его сырьем. Также под его надзором продолжила работу мельница, закрытие которой поставило бы под угрозу снабжение хлебом солдат местного гарнизона и жителей северных районов губернии [10, л. 35, 39; 51, с. 2]. Но уже в августе предприятия были возвращены владельцам в связи с острыми финансовыми трудностями.

В мае разгорелся длительный конфликт на медном руднике «Юлия». Причиной отстранения администрации стал ее отказ выдать заработную плату, после чего управление производством перешло к рабочему комитету. Минусинский Совет рабочих и солдатских депутатов принял рудник в свое ведение. Однако в связи с нехваткой финансирования Совету не удалось устранить задолженности по зарплате перед рабочими, а также наладить реализацию меди, поскольку предприниматели не желали сотрудничать с новым управляющим составом. Минусинскому Совету пришлось обратиться за помощью в Красноярский Совет, а далее при его протекции — к губернскому комиссару В. М. Крутовскому с просьбой оказать содействие в изыскании средств для поддержки рабочих [53, с. 121, 140]. В середине июля дело рудника «Юлия» рассматривалось на уровне столицы при участии Министерства труда и Петроградского Совета, и конфликт наконец-то удалось разрешить через примирительную камеру. Правление компании «Сибирская медь» выделило 15 тыс. рублей на нужды рудника и уплату жалования рабочим. В свою очередь Минусинский Совет согласился частично восстановить в должностях старую администрацию, в том числе директора Романова, который обязался считаться с решениями местного Совета [11, л. 57; 53, с. 508].

В целом реквизиция промышленных предприятий была крайней мерой и оставалась редким явлением. Так, летом по решению Красноярского Совета был реквизирован Андреевский рудник, на котором было установлено рабочее управление под контролем местного Совета. А в августе, после отказа владельцев удовлетворить требования трудящихся о повышении заработной платы на 200%, Совет рабочих депутатов Иоанновского рудника взял управление рудником в свои руки [3, с. 90]. Но поскольку финансирование предприятий было сосредоточено в руках владельцев, а рабочие, не имея необходимого опыта, даже при поддержке Советов не были способны должным образом руководить производством, то эти акты имели ограниченную целесообразность. Более того, не все Советы были готовы поддержать столь радикальную практику, если это не было вызвано объективной необходимостью. Так, исполком Верхнеудинского Совета в ответ на попытки рабочих Тарбагатайских копей вмешаться в распорядительные функции владельца заявил, что хозяева вправе заниматься распределением работ на производстве, пока еще существует частная собственность на средства производства. «Отдельные же попытки конфискации у хозяев их распорядительных функций нецелесообразны и способны только вызвать дезорганизацию», — резюмировал председатель Совета В. М. Серов [20, с. 3]. Даже осенью 1917 г. захваты предприятий не получили широкого распространения.

В основе мероприятий Советов, направленных на разрешение рабочего вопроса, оставалось стремление сохранить, а в перспективе и расширить производство, что в свою очередь должно было обеспечить повышение жизненного уровня трудящихся. Практики

регулирования Советами трудовых отношений свидетельствуют, что большинство Советов стремились обеспечить сохранение социального партнерства в экономической сфере. Плодотворных результатов в этом направлении можно было бы достичь только путем организованного вмешательства в отношения между работниками и работодателями: через коллегиальные органы управления, согласительные комиссии, примирительные камеры, коллективные договоры. Не ограничиваясь воздействием лишь на предпринимателей и считая, что уступки должны быть обоюдными, Советы развернули широкую агитацию за повышение производительности труда. Поэтому, например, Совет на Кольчугинском руднике установил обязательный ежемесячный минимум работ в 20 смен и норму производительности за смену, при этом за невыход на работу без уважительных причин грозило увольнение. Совет постановил перевести всех физически здоровых работников с поверхностных работ в шахты, заменив их женщинами и уволенными по ранениям солдатами [35, с. 2]. Жесткий контроль со стороны Советов за добросовестным исполнением обязанностей трудящимися должен был обеспечить повышение производительности труда без массового применения сверхурочных работ.

Можно сделать вывод, что в целом стратегией Советов являлся поиск компромиссных решений, хотя порой этого удавалось достичь лишь с помощью ультиматумов и явочных действий. Советы осознавали, что для радикальных изменений необходима системная перестройка социально-экономических отношений, для чего требовалось время, и на начальном этапе революции им приходилось выступать в роли силы, сдерживавшей неорганизованные выступления рабочих. Рельефно отражает приверженность этому принципу доклад секции по охране труда при Верхнеудинском Совете: «...секция, занимаясь делом охраны труда, в то же время заинтересована в правильном ходе промышленности. Секция не всегда удовлетворяет требования рабочих. Ее дело следить, чтобы не было стихийных забастовок и чтобы работа в промышленных предприятиях продолжалась» [21, с. 3]. Следует согласиться с исследователем Д. М. Медниковым, что деятельность Советов была основана «не на политических лозунгах борьбы трудящихся против капитала, а на поиске вполне рациональных принципов регулирования отношений между буржуазией и рабочими» [55, с. 303—304].

В условиях неустойчивого многовластия, территориальной разобщенности и при отсутствии координирующего центра Советам, по сути, приходилось действовать автономно друг от друга. Поэтому практики участия Советов Сибири в регулировании трудовых отношений отличались разнообразием форм, а результаты — перспективностью. На территориально обособленных промышленных предприятиях вмешательство Советов в разрешение рабочего вопроса являлось комплексным и более основательным. В городах же эта компетенция была разделена между несколькими субъектами политического процесса и зачастую Советы вмешивались лишь эпизодически.

Отсутствие общей стратегии и согласованности действий в конечном итоге привело к тому, что к осени 1917 г. стремление предпринимателей «подделаться под революционное социалистическое настроение народных масс» сошло на нет [50, с. 4]. «Подписываются договоры, устанавливаются соглашения, но в жизни они упорно не проводятся», — заключал корреспондент одной из сибирских газет [38, с. 2]. Предприниматели, понимая, что все действия Советов по сути своей находились вне закона, а договоренности поэтому являлись условными, решительно сокращали производство, проводили массовые увольнения, саботировали требования рабочих и служащих. Вместе с тем в условиях нарастающего темпа развития революционного процесса тактика Советов, направленная на поиск компромиссных решений, уже не позволяла адекватно и оперативно реагировать на вызовы углублявшегося системного кризиса в стране. Все сложнее становилось явочным

порядком удовлетворять требования трудящихся, постепенно перераставшие узкоэкономические рамки. В этих условиях перспектива разрешения рабочего вопроса стала связываться с переходом власти в руки Советов.

Список использованных источников и литературы

1. Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск : Наука, 1978. 255 с.
2. Бабилова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1980. 156 с.
3. Борьба за власть Советов в Енисейской губернии : сб. статей, напечатанных в газете «Красноярский рабочий» к 40-летию Великого Октября / под ред. Б. Толстоногова. Красноярск : Красноярский рабочий, 1958. 262 с.
4. Борьба за власть Советов в Томской губернии. (1917—1919 гг.) : сб. документальных материалов (к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции) / гл. ред. В. С. Флеров. Томск : [Б. и.], 1957. 569 с.
5. Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов. 1917. 17 марта.
6. Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов. 1917. 21 марта.
7. Гидлевский К. И., Сафьянов М. Г., Трегубенков К. Е. Минусинская коммуна. 1917—1918. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М. ; Л. : Госэкониздат, 1934. 296 с.
8. Голос свободы (Томск). 1917. 13 июля.
9. Голос Сибири (Новониколаевск). 1917. 9 апр.
10. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 13.
11. ГАКК. Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 3.
12. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 17.
13. Государственный архив Томской области. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 3.
14. Дементьев А. П., Катцина Т. А. Социальная политика комитетов общественной безопасности и Советов в Енисейской губернии (март — май 1917 г.) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 10. С. 31—42. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.10.24175.
15. Дробченко В. А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск : Изд-во ТГУ, 2010. 550 с.
16. Единение (Иркутск). 1917. 7 мая.
17. Единение. 1917. 11 мая.
18. Единение. 1917. 27 мая.
19. Единение. 1917. 2 июня.
20. Единение. 1917. 7 июня.
21. Единение. 1917. 12 июля.
22. Единение. 1917. 19 июля.
23. Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856—1917 гг. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008. 743 с.
24. Жизнь Алтая (Барнаул). 1917. 24 марта.
25. Жизнь Алтая. 1917. 9 апр.
26. Жизнь Алтая. 1917. 16 апр.
27. За власть Советов : сб. документов о борьбе трудящихся Забайкалья в 1917—1922 гг. К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции / сост. И. М. Давидович [и др.]. Чита : Читинское кн. изд-во, 1957. 440 с.
28. Забайкальский рабочий (Чита). 1917. 23 марта.
29. Забайкальский рабочий. 1917. 25 апр.
30. Забайкальский рабочий. 1917. 16 мая.
31. Забайкальский рабочий. 1917. 31 мая.
32. Забайкальский рабочий. 1917. 25 июня.
33. Забайкальский рабочий. 1917. 29 июня.
34. Западно-Сибирский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Протокол мандатной комиссии; Протоколы заседаний 2-го Западно-Сибирского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Омск : [Б. и.], 1917. 99 с.
35. Знамя революции (Томск). 1917. 15 июня.
36. Знамя революции. 1917. 24 июня.
37. Знамя революции. 1917. 27 июня.
38. Знамя революции. 1917. 2 июля.
39. Знамя революции. 1917. 4 июля.

40. Знамя революции. 1917. 1 сент.
41. Знамя революции. 1917. 3 сент.
42. Зольников Д. М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск : Наука, 1969. 334 с.
43. Иванов Ю. В. Советы Средней Сибири в двух буржуазно-демократических революциях (1905—1907; март — октябрь 1917 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Изд-во МГУ, 1969. 280 с.
44. Известия Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 1917. 15 марта.
45. Известия Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 1917. 23 марта.
46. Известия Канского объединенного Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. 1917. 1 июня.
47. Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона. 1917. 2 апр.
48. Известия Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 29 апр. (12 мая).
49. Исторический архив Омской области. Ф. Р-1177. Оп. 1. Д. 1.
50. Красноярский рабочий. 1917. 6 мая.
51. Красноярский рабочий. 1917. 27 июля.
52. Красноярский рабочий. 1917. 29 авг.
53. Красноярский Совет. Март 1917 г. — июнь 1918 г. (Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов) : сб. документов / гл. ред. М. Б. Шейнфельд. Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1960. 582 с.
54. Ленские прииски : сб. документов / под ред. П. Поспелова. М. : ОГИЗ, 1937. 566 с.
55. Медников Д. М. Роль Советов Сибири в регулировании трудовых отношений 1905—1917 гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 3. С. 303—307.
56. Мосолов В. Г. Иркутский Совет рабочих депутатов в 1917 г. // Социалистическое строительство в Западной Сибири. Томск : [Б. и.], 1975. С. 3—13.
57. Мосолов В. Г. Советы рабочих депутатов Сибири в 1917 году : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1972. 242 с.
58. Мосолов В. Г. Томский Совет рабочих депутатов в 1917 году // Некоторые вопросы истории Сибири : сб. статей молодых ученых историко-филологического факультета. Томск : Изд-во ТГУ, 1972. Вып. 1. С. 3—20.
59. Наш голос (Красноярск). 1917. 8 мая.
60. Омский вестник. 1917. Приложение к № 75. 11 апр.
61. Рабинович Г. Х. Рабочее движение на золотых приисках Енисейской губернии в годы Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции // Вопросы истории Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1967. Вып. 3. С. 117—125.
62. Российский государственный исторический архив. Ф. 88. Оп. 1. Д. 77.
63. Сафронов В. П. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 — март 1919 г.). Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1962. 723 с.
64. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 18 марта.
65. Сибирская жизнь. 1917. 22 марта.
66. Соловьева В. А. Советы Томской губернии в период двоевластия (март — июль 1917 г.) // Сборник научных работ исторических кафедр. Томск : Изд-во ТГУ, 1964. С. 3—25.
67. Установление Советской власти в Кузбассе (1917—1919) : сб. документов / под ред. В. А. Кадейкина. Кемерово : Кемер. кн. изд-во, 1957. 428 с.
68. Федоров М. В. Рабочий вопрос на страницах «Известий рабочих и солдатских депутатов» в 1917 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 75—90.

Поступила в редакцию 04.10.2018

Захарова Ксения Леонидовна, младший научный сотрудник
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: minienrique@gmail.com

UDC 329.14(571)“1917”

K. L. Zakharova

**Political declarations and actual practices of Siberian Councils in labour issues
(March — October, 1917)**

The article considers the directions, the forms and the results of the activity of Siberian Councils of Workers' and Soldiers' Deputies aimed at solving a range of problems united by the concept “labour issue”. The paper analyzes the role of Councils in regulating the legal status of workers and employees in the sphere of labour relations, their relationship with the state and employers, in providing proper working conditions and the standard of living. The author concludes that the organized interference in the relations between working people and employers aimed at finding a compromise was the fundamental task of the Councils. This tactic remained promising, but only for the limited period. As the revolutionary process developed, the demands of working people extended beyond only economic ones and escalated into political issues. The potential of social partnership had practically outlived itself by autumn of 1917, thus creating favorable conditions for revitalization of the left radicals seeking to use the Councils as an authority alternative.

Key words: February revolution of 1917, Siberia, authorities and society, Councils of deputies, political practices, labour issue.

Zakharova Kseniya Leonidovna, Junior researcher
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 630090, Novosibirsk, ul. Nikolaeva, 8
E-mail: minienrique@gmail.com

References

1. Agalakov V. T. *Sovety Sibiri (1917—1918 gg.)* [The Councils of Siberia (1917—1918)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978. 255 p. (In Russian)
2. Babikova E. N. *Dvoevlastie v Sibiri* [Diarchy in Siberia]. Tomsk, TGU Publ., 1980. 156 p. (In Russian)
3. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Eniseiskoi gubernii: sb. statei, napechatannykh v gazete "Krasnoyarskii rabochii" k 40-letiyu Velikogo Oktyabrya* [The power struggle of the Councils in the Yenisei province. Collect. of articles published in the Krasnoyarsk Worker newspaper to the 40th anniversary of Great October Revolution]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii rabochii Publ., 1958. 262 p. (In Russian)
4. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Tomskoi gubernii. (1917—1919 gg.): sb. dokumental'nykh materialov (k 40-letiyu Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii)* [The struggle for power of the Councils in the Tomsk province. (1917—1919). Collect. of documentary materials (to the 40th anniversary of the Great October Socialist Revolution)]. Tomsk, 1957. 569 p. (In Russian)
5. *Vestnik Irkutskogo Soveta rabochikh deputatov* [Bulletin of the Irkutsk Council of Workers' Deputies]. 1917, March 17. (In Russian)
6. *Vestnik Irkutskogo Soveta rabochikh deputatov*. 1917, March 21. (In Russian)
7. Gidlevskii K. I., Saf'yanov M. G., Tregubenkov K. E. *Minusinskaya kommuna. 1917—1918. Iz istorii Oktyabr'skoi revolyutsii v Sibiri* [Minusinsk commune. 1917—1918. From the history of the October Revolution in Siberia]. Moscow, Leningrad, Gosekonizdat Publ., 1934. 296 p. (In Russian)
8. *Golos svobody (Tomsk)* [Voice of Freedom (Tomsk)]. 1917, July 13. (In Russian)
9. *Golos Sibiri (Novonikolaevsk)* [Voice of Siberia (Novonikolayevsk)]. 1917, Apr. 9. (In Russian)
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia* [State Archive of the Krasnoyarsk Territory] (GAKK). F. R-258. Op. 1. D. 13.
11. GAKK. F. R-1813. Op. 2. D. 3.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya* [State Archive of the Republic of Buryatia]. F. R-193. Op. 1. D. 17.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti* [State Archive of Tomsk Region]. F. R-1380. Op. 1. D. 3.
14. Dement'ev A. P., Kattsina T. A. *Sotsial'naya politika komitetov obshchestvennoi bezopasnosti i Sovetov v Eniseiskoi gubernii (mart — mai 1917 g.)* [Social policy of public security committees and Councils in the Yenisei province (March — May 1917)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 2017, no. 10, pp. 31—42. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.10.24175. (In Russian)

15. Drobchenko V. A. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoi gubernii (mart 1917 — noyabr' 1918 g.)* [Social and political life of the Tomsk province (March 1917 — November 1918)]. Tomsk, TGU Publ., 2010. 550 p. (In Russian)
16. *Edinenie (Irkutsk)*, 1917, May 7.
17. *Edinenie*, 1917, May 11.
18. *Edinenie*, 1917, May 27.
19. *Edinenie*, 1917, June 2.
20. *Edinenie*, 1917, June 7.
21. *Edinenie*, 1917, July 12.
22. *Edinenie*, 1917, July 19.
23. Ermolaev A. N. *Uezdnyi Mariinsk. 1856—1917 gg.* [Mariinsk, the county town. 1856—1917]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2008. 743 p. (In Russian)
24. *Zhizn' Altaya (Barnaul)*, 1917, March 24.
25. *Zhizn' Altaya*, 1917, Apr. 9.
26. *Zhizn' Altaya*, 1917, Apr. 16.
27. *Za vlast' Sovetov: sbornik dokumentov o bor'be trudyashchikhsya Zabaikal'ya v 1917—1922 gg. K 40-letiyu Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii* [For the power of the Councils. A collect. of documents on the struggle of workers of Transbaikal region in 1917—1922. For the 40th anniversary of the Great October Socialist Revolution]. Chita, Chitinskoe kn. izd-vo Publ., 1957. 440 p. (In Russian)
28. *Zabaikal'skii rabochii (Chita)*, 1917, March 23.
29. *Zabaikal'skii rabochii*, 1917, Apr. 25.
30. *Zabaikal'skii rabochii*, 1917, May 16.
31. *Zabaikal'skii rabochii*, 1917, May 31.
32. *Zabaikal'skii rabochii*, 1917, June 25.
33. *Zabaikal'skii rabochii*, 1917, July 29.
34. *Zapadno-Sibirskii s'ezd Sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov: Protokol mandatnoi komissii; Protokoly zasedanii 2-go Zapadno-Sibirskogo s'ezda Sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov* [West Siberian Council of Workers' and Soldiers' Deputies: Minutes of the credentials committee; Minutes of meetings of the 2nd West-Siberian Congress of Councils of Workers' and Soldiers' Deputies]. Omsk, 1917. 99 p. (In Russian)
35. *Znamya revolyutsii (Tomsk)*, 1917, June 15.
36. *Znamya revolyutsii*, 1917, June 24.
37. *Znamya revolyutsii*, 1917, June 27.
38. *Znamya revolyutsii*, 1917, July 2.
39. *Znamya revolyutsii*, 1917, July 4.
40. *Znamya revolyutsii*, 1917, Sept. 1.
41. *Znamya revolyutsii*, 1917, Sept. 3.
42. Zol'nikov D. M. *Rabochee dvizhenie v Sibiri v 1917 g.* [Labor movement in Siberia in 1917]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1969. 334 p. (In Russian)
43. Ivanov Yu. V. *Sovety Srednei Sibiri v dvukh burzhuazno-demokraticheskikh revolyutsiyakh (1905—1907; mart — oktyabr' 1917 gg.): dis. ... kand. jurid. nauk* [The Councils of Central Siberia in two bourgeois-democratic revolutions (1905—1907; March — October 1917). Cand. Dis.]. Moscow, MGU Publ., 1969. 280 p. (In Russian)
44. *Izvestiya Ispolnitel'nogo komiteta obshchestvennykh organizatsii g. Irkutska*, 1917, March 15.
45. *Izvestiya Ispolnitel'nogo komiteta obshchestvennykh organizatsii g. Irkutska*, 1917, March 23.
46. *Izvestiya Kanskogo ob'edinennogo Soveta soldatskikh, rabochikh i krest'yanskikh deputatov*, 1917, June 1.
47. *Izvestiya Soveta soldatskikh deputatov Tomskogo garnizona*, 1917, Apr. 2.
48. *Izvestiya Tobol'skogo vremennogo komiteta obshchestvennogo spokoistviya*, 1917, Apr. 29 (May 12).
49. *Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti* [Historical archive of the Omsk region]. F. R-1177. Op. 1. D. 1.
50. *Krasnoyarskii rabochii*, 1917, May 6.
51. *Krasnoyarskii rabochii*, 1917, July 27.
52. *Krasnoyarskii rabochii*, 1917, Aug. 29.
53. *Krasnoyarskii Sovet. Mart 1917 g. — iyun' 1918 g. (Protokoly i postanovleniya s'ezdov Sovetov, plenumov, ispolkoma i otdelov): sbornik dokumentov* [Krasnoyarsk Council. March 1917 — June 1918 (Protocols and resolutions of Council congresses, plenums, executive committee and departments). Collect. of documents]. Krasnoyarsk, Krasnoyar. kn. izd-vo Publ., 1960. 582 p. (In Russian)
54. *Lenskie priiski: sbornik dokumentov* [The Lena mines. Collect. of documents]. Moscow, OGIZ Publ., 1937. 566 p. (In Russian)

55. Mednikov D. M. Rol' Sovetov Sibiri v regulirovanii trudovykh otnoshenii 1905—1917 gg. [The role of the Siberian Councils in the regulation of labor relations 1905—1917]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva — Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*, 2012, no. 3, pp. 303—307. (In Russian)
56. Mosolov V. G. Irkutskii Sovet rabochikh deputatov v 1917 g. [Irkutsk Council of Workers' Deputies in 1917]. *Sotsialisticheskoe stroitel'stvo v Zapadnoi Sibiri* [Socialist construction in Western Siberia]. Tomsk, 1975, pp. 3—13. (In Russian)
57. Mosolov V. G. *Sovety rabochikh deputatov Sibiri v 1917 godu: dis. ... kand. ist. nauk* [Councils of workers' deputies of Siberia in 1917. Cand. Dis.]. Tomsk, 1972. 242 p. (In Russian)
58. Mosolov V. G. Tomskii Sovet rabochikh deputatov v 1917 godu [Tomsk Council of Workers' Deputies in 1917]. *Nekotorye voprosy istorii Sibiri: sbornik statei molodykh uchenykh istoriko-filologicheskogo fakul'teta* [Some Questions on the History of Siberia. Collect. of articles by young scientists of the Faculty of History and Philology]. Tomsk, TGU Publ., 1972, is. 1, pp. 3—20. (In Russian)
59. *Nash golos (Krasnoyarsk)*, 1917, May 8.
60. *Omskii vestnik*, 1917. Prilozhenie k no. 75. Apr. 11.
61. Rabinovich G. Kh. Rabochee dvizhenie na zolotykh priiskakh Eniseiskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voyny i Fevral'skoi burzhuazno-demokraticheskoi revolyutsii [Labor movement in the gold mines of the Yenisei province during the First World War and the February bourgeois-democratic revolution]. *Voprosy istorii Sibiri* [Questions of the history of Siberia]. Tomsk, TGU Publ., 1967, is. 3, pp. 117—125. (In Russian)
62. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 88. Op. 1. D. 77.
63. Safronov V. P. *Oktyabr' v Sibiri. Bol'sheviki Sibiri v bor'be za pobedu Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii (fevral' 1917 — mart 1919 g.)* [October in Siberia. The Bolsheviks of Siberia in the struggle for the victory of the Great October Socialist Revolution (February 1917 — March 1919)]. Krasnoyarsk, Krasnoyar. kn. izd-vo Publ., 1962. 723 p. (In Russian)
64. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk), 1917, March 18.
65. *Sibirskaya zhizn'*, 1917, March 22.
66. Solov'eva V. A. Sovety Tomskoi gubernii v period dvoevlastiya (mart — iyul' 1917 g.) [Tomsk province Councils during the period of diarchy (March — July 1917)]. *Sbornik nauchnykh rabot istoricheskikh kafedr* [Collection of scientific works of historical departments]. Tomsk, TGU Publ., 1964, pp. 3—25. (In Russian)
67. *Ustanovlenie Sovetskoi vlasti v Kuzbasse (1917—1919): sbornik dokumentov* [The establishment of Soviet power in Kuzbass (1917—1919). Collect. of documents]. Kemerovo, Kemer. kn. izd-vo Publ., 1957. 428 p. (In Russian)
68. Fedorov M. V. Rabochii vopros na stranitsakh "Izvestii rabochikh i soldatskikh deputatov" v 1917 g. [Labour problem on the pages of "Izvestia of Petrograd Council of Workers' and Soldiers' Deputies" in 1917]. *Noveishaya istoriya Rossii — Modern History of Russia*, 2012, no. 1, pp. 75—90. (In Russian)